

Основы неомарксистского классового анализа¹

В марксистской традиции концепт класса имеет бóльшие объяснительные притязания, нежели в любой другой традиции социальной теории, что, в свою очередь, возлагает бóльшую нагрузку на ее теоретические основания. В наиболее амбициозной ее форме марксисты утверждали, что класс, как и тесно связанные с ним концепты вроде “способа производства” или “экономического базиса”, составляет стержень общей теории истории, обыкновенно называемой “историческим материализмом”². Эта теория пыталась объяснить в рамках унифицированной модели очень широкий диапазон социальных феноменов: эпохальную траекторию социальных изменений, равно как и социальные конфликты, присущие тому или иному времени и месту; макроуровневую институциональную форму государства наряду с микроуровневыми субъективными представлениями индивидов; крупномасштабные революции и сидячие забастовки. Это амбициозное притязание на объяснительную центральность концепта класса воплотилось в выражениях вроде “классовая борьба является движущей силой истории” и “исполнительная власть современного государства — не что иное, как исполком класса буржуазии”.

Ныне большинство ученых-марксистов отступили от претенциозных объяснительных притязаний исторического материализма (если не от всех вообще его объяснительных устремлений). Теперь лишь очень немногие отстаивают заскорузлые версии “первичности класса”. Тем не менее в рамках марксистской традиции класс по-прежнему сохраняет отчетливую центральность и призван выполнять гораздо более сложную объяснительную работу, нежели в прочих теоретических традициях. Именно это, наряду со

---

¹ Перевод по изданию: Wright, E. O. (2005). Foundations of a neo-Marxist class analysis. In E. O. Wright (Ed.), *Approaches to class analysis* (pp. 4–30). Cambridge: Cambridge University Press.

² Наиболее систематизированное и скрупулезное изложение основных принципов исторического материализма см.: (Cohen 1978).

специфической ориентацией на радикально эгалитарные нормативные принципы, составляет значительную часть того, что определяет устойчивое отличие и жизнеспособность марксистской традиции как образа мыслей, особенно в рамках социологии. Именно по этой причине я утверждал и утверждаю, что “марксизм как классовый анализ” определяет ключевую исследовательскую программу марксистской социологии¹.

Данная глава имеет целью изложить главные аналитические основы концепции класса таким образом, который в общих чертах будет укладываться в марксистскую традицию. Это непростая задача, ибо среди авторов, относящих себя к марксистам, отсутствует консенсус в отношении каких бы то ни было ключевых концептов классового анализа. Данная традиция определяется скорее некоторой приверженностью важности классового анализа для понимания условий противостояния капиталистическому угнетению и языку, на котором ведутся дебаты (Элвин Голднер метко окрестил это “языковым сообществом”), нежели строгим набором определений и суждений. Соответственно, любые мои утверждения касательно теоретических основ марксистского классового анализа отражают мою личную позицию в рамках этой традиции, а не официальную точку зрения на “марксизм” вообще или труды Карла Маркса в частности.

В данном анализе будет два кульминационных утверждения: во-первых, ингредиентом, сильнее всего отличающим марксистскую концептуализацию класса от прочих традиций, является концепт “эксплуатация”; а во-вторых, центрированный вокруг эксплуатации концепт класса предоставляет теоретически мощный инструментарий для исследования целого спектра проблем современного общества. <...>

Общая картина: что в целом представляет собой марксистская концепция класса

В самой своей сути классовый анализ в рамках марксистской традиции опирается на совокупность нормативных обязательств в форме радикального эгалитаризма. Исторически сложилось так, что марксисты, как правило, были вынуждены отстаивать эти моральные обязательства. Сам Маркс полагал, что рассуждать о “справедливости” и “моральности” не обязательно, а то и вовсе вредно, так как считал, что идеи о моральности на самом деле просто отражают материальные условия и интересы акторов. Вместо обоснования социализма на началах социальной справедливости и прочих нормативных принципов Маркс предпочитал просто констатировать, что построение социализма отвечает интересам рабочего класса и к этому, так или иначе, сводится историческая участь капитализма. Вместе с тем, труды самого Маркса проникнуты моральным суждением, моральным негодованием и моральным видением. В нашем же контексте гораздо важнее, что марксистская традиция классового анализа во многом обязана отличающим ее наступательным пафосом своей связи с радикальной эгалитарной нормативной программой. Дабы в полной мере понять теоретические осно-

---

¹ Более подробное обсуждение марксизма как классового анализа см.: (Burawoy and Wright 2001; Wright, Levine, and Sober 1993).

вы концепции класса в марксистской традиции, необходимо хотя бы вкратце прояснить это нормативное измерение.

Лежащий в основе марксистского классового анализа радикальный эгалитаризм можно выразить в терминах трех тезисов. <...>

Тезис радикального эгалитаризма: радикально эгалитарное распределение материальных условий жизни будет всячески способствовать процветанию людей. Этот тезис воплощен в провозглашенном Марксом классическом распределительном лозунге “каждому — по потребностям, от каждого — по способностям” и идеале “бесклассового” общества. Именно так материальные ресурсы распределяются в эгалитарных семьях: дети с большими потребностями получают больше ресурсов, и ожидается, что каждый член семьи будет прилагать максимум усилий для решения стоящих перед семьей задач. Кроме того, именно таким образом книги распределяются в публичных библиотеках: ты берешь то, что тебе нужно, а не то, что мог бы себе позволить. Радикальный эгалитаризм марксистской традиции постулирует, что если эти принципы удастся распространить на общество в целом, это поспособствует процветанию людей вообще.

Тезис исторической возможности: в условиях высокопродуктивной экономики становится принципиально возможной такая организация общества, при которой имеет место устойчивое радикально эгалитарное распределение материальных условий жизни. В рамках марксистской традиции эгалитарные нормативные принципы понимаются не просто как отражающие некую вневременную человеческую ценность, хотя это тоже не исключено, но и как призванные воплотиться в практическом политическом проекте. Таким образом, центральным элементом марксистского теоретического проекта является попытка понять, при каких условиях эти моральные идеалы могут быть реализованы в социальной практике. В данном случае основная идея заключается в том, что степень осуществимости радикального эгалитаризма в качестве практического принципа социальной организации увеличивается по мере того, как производительная способность общества растет, а абсолютный дефицит сокращается. В самом строгом варианте этого тезиса внедрение и поддержание эгалитарных идеалов совершенно невозможны, пока в целом не преодолен материальный дефицит; в более слабых вариантах утверждается лишь то, что высокая производительность увеличивает степень осуществимости базового эгалитаризма материальных условий жизни.

Антикапиталистический тезис: капитализм блокирует возможность достижения радикально эгалитарного распределения материальных условий жизни. Одним из величайших достижений капитализма является развитие производительной способности человека до такого уровня, что необходимый для процветания человечества радикальный эгалитаризм становится в принципе осуществимым, однако при этом капитализм также создает институты и властные отношения, блокирующие фактическое достижение эгалитаризма. Так создается почва для великой драмы и трагедии капиталистического развития: это процесс, который неуклонно улучшает материальные условия для расширения масштабов человеческого процветания, одновременно блокируя создание социальных условий для реализации этого потенциала. Классический марксизм делает отсюда политический вывод, что данные препятствия могут быть преодолены исключительно путем уничтожения капитализма посредством революционного перелома. Более умеренные социал-де-

мократические течения в рамках марксистской традиции принимают идею, что капитализму чуждо равенство, однако отвергают видение перемен как переломных: капитализм можно преобразовать изнутри таким образом, чтобы постепенно двигаться в направлении все более эгалитарного социального строя. Разумеется, полноценная реализация радикального эгалитарного идеала может оказаться утопической фантазией. Но даже если “бесклассовость” недостижима, главной политической целью может стать “меньшая классовость”, что всё равно заставляет бросить вызов капитализму.

Каждый из этих тезисов спорный и требует развернутого обоснования, но в данной работе я принимаю их как допущения, определяющие более широкий контекст для осмысления концепта класса. Какие бы еще задачи ни был призван решать концепт класса, в рамках марксистской традиции он должен облегчить понимание условий для выполнения подобной нормативной программы. Это означает, что концепт должен быть связан с теорией капитализма, а не просто неравенства и должен быть способен сыграть свою роль в прояснении дилемм и возможностей реализации эгалитарных альтернатив существующим институтам.

Сейчас же обратимся к рассмотрению концептуальных компонентов, при помощи которых мы сможем построить отвечающую этой программе концепцию класса.

Концептуальные компоненты классового анализа

Помимо существительного “класс” используется также производное прилагательное “классовый”. В случае существительного можно задать кому-либо вопрос: “К какому классу, по вашему мнению, вы относитесь?”, и ответом может быть, скажем: “К рабочему классу”. Что касается прилагательного, то слово “классовый” определяет целый спектр концептов: классовые отношения, классовая структура, классовые положения, классовая формация, классовые интересы, классовый конфликт, классовое сознание. В целом, как станет ясно из следующего ниже анализа, я считаю, что гораздо продуктивнее использовать именно прилагательное. На самом деле, как мне представляется, когда люди употребляют существительное, обычно они говорят эллиптически (кратко). К примеру, выражения вроде “рабочего класса” зачастую являются просто сокращением гораздо более громоздкого выражения вроде “рабочеклассовые положения внутри капиталистических классовых отношений” или, скажем, “рабочеклассовые коллективные организации в сфере классовых конфликтов”. Так или иначе, обычно я буду использовать прилагательное, а обобщенный термин “класс” — только при отсылке к общему концептуальному полю, к которому принадлежат все эти более конкретные термины.

Таким образом, чтобы заложить основы марксистского классового анализа, требуется точно определить, что мы подразумеваем под этим прилагательным. В данном случае основополагающими концептами являются классовые *отношения* и классовая *структура*. Все прочие термины в концептуальном меню классового анализа — классовый конфликт, классовые интересы, классовая формация, классовое сознание — получают значения, производные от их связи с классовыми отношениями и классовой структурой. Это не означает, что сугубо структурные концепты класса более суще-

ственны для всех проблем классового анализа. Вполне может быть и так, что, к примеру, при попытке объяснить вариативность государственной политики в капиталистических обществах в зависимости от времени и места вариативность классовой формации и классовой борьбы окажется более важной, чем вариативность классовой структуры как таковой. Тем не менее в концептуальной основе классового анализа лежит проблема понимания классовых отношений и классовой структуры, поэтому здесь мы сфокусируемся именно на этом вопросе.

Ниже будут рассмотрены восемь кластеров концептуальных вопросов, значимых для разработки концепции класса именно в марксистской традиции. <...>

Социальные отношения производства

Всякая система производства требует задействования целого спектра активов, ресурсов или факторов производства: инструментов, станков, земли, сырья, рабочей силы, навыков, информации и т. д. В *специальных* терминах это задействование можно описать как производственную функцию — множество разнородных вложений комбинируются в рамках определенного процесса, с тем чтобы произвести определенного вида продукт. Так обычно понимают систему производства экономисты. Также это задействование можно описать в терминах *социальных отношений*: люди, участвующие в производстве, обладают разного рода правами и властными полномочиями по использованию вложений и результатов такого использования. Реальные способы комбинирования вложений и их использования в производстве зависят как от особенностей реализации этих прав и полномочий, так и от сугубо технических характеристик производственной функции. Итоговая сумма этих прав и полномочий составляет “социальные отношения производства”.

Важно не забывать, что эти права и полномочия относительно ресурсов являются атрибутами социальных отношений, а не описанием отношений людей к вещам как таковым: к примеру, если кто-то обладает правами и полномочиями относительно земли, это определяет его социальные отношения с остальными людьми относительно использования данной земли и присвоения плодов продуктивного использования данной земли. Это означает, что властные отношения, входящие в социальные отношения производства, касаются способов регулирования и контроля деятельности людей, а не просто распределения ряда ценных вещей.

Классовые отношения как форма отношений производства

Когда права и полномочия людей относительно производительных ресурсов распределены неравно — то есть когда одни люди имеют больше прав/полномочий относительно конкретных видов производительных ресурсов, чем другие, — эти отношения можно описать как классовые отношения. К примеру, в капиталистических обществах имеет место фундаментальное противопоставление владельцев средств производства и владельцев рабочей силы, поскольку “владение” является описанием прав и полномочий относительно задействованного в производстве ресурса.

Рассматриваемые права и свободы определяются в отношении владения или контроля не над вещами вообще, а только над ресурсами и активами *постольку, поскольку они задействованы в производстве*. Капиталист — это не

тот, кто просто владеет станками, а тот, кто владеет станками, задействует их в производственном процессе, нанимает владельцев рабочей силы для их использования, управляет процессом использования станков для производства вещей и присваивает прибыль от использования этих станков. Коллекционер станков само по себе обладание ими не делает капиталистом. Соответственно, чтобы отношение считалось классовым, неравенства прав и полномочий относительно владения ресурсом как такового недостаточно. Должны быть также неравные права и полномочия относительно присвоения результатов использования этих ресурсов. В общем случае под этим подразумевается присвоение доходов, генерируемых с задействованием указанного ресурса.

Вариативность классовых отношений

Некоторые способы использования термина “класс” лишают рассуждение о качественно различных *видах* классовых отношений какого-либо смысла. Классы определяются просто некими универсальными категориями вроде “имущие” и “неимущие” (“the haves” and “have nots”). Само собой, всегда может оставаться место для *количественной* вариативности — разрывы между богатыми и бедными могут быть разными, равно как и распределение населения между этими категориями. Однако сама природа классовых отношений не оставляет теоретического места для *качественной* вариативности.

Одной из центральных идей марксистской традиции является существование множества типов классовых отношений, поэтому определение основы этой вариативности представляет огромную важность. Главная идея состоит в том, что различные виды классовых отношений определяются видами прав и полномочий, воплощенных в отношениях производства. Рассмотрим, к примеру, три вида классовых отношений, часто выделяемых в марксистской традиции: *рабовладение, феодализм и капитализм*. Если в рабовладельческих классовых отношениях мы говорим, что рабовладелец “владеет” рабом, мы тем самым обозначаем диапазон прав и полномочий, которые рабовладелец имеет над конкретным используемым в производстве ресурсом — людьми. В самом предельном случае рабовладелец имеет практически абсолютные права собственности на раба. При капитализме же, напротив, владение другими людьми запрещено. Людям позволено иметь в частной собственности землю и капитал, однако владеть другими людьми воспрещается. В этом состоит одно из величайших достижений капитализма: он достиг радикально эгалитарного распределения данного конкретного актива — каждый владеет ровно одной единицей рабочей силы, самим собой.

В этих терминах то, что обыкновенно называется “феодализмом”, может рассматриваться как общество, в котором феодальные сеньоры и крепостные имеют *совместные* права собственности на труд крепостного. Традиционно феодализм описывают как общество, в котором крестьян (крепостных) заставляют часть недели работать на земле, которой владеет феодал, а оставшаяся часть недели они вольны работать на земле, на которую имеют некую разновидность обычного права собственности. По сути, эта обязанность часть недели работать на земле феодала означает, что феодал имеет права собственности на крепостного, принимающие форму права пользоваться трудом крепостного определенную часть времени. Это владение менее абсолютно, нежели у рабовладельца, — отсюда выражение “совместное владение” крепостным со стороны феодала и крепостного. Когда крепостной бежит в город, пытается

избавиться от этих повинностей, феодал имеет право преследовать крепостного и силой вернуть его обратно. По сути, сбежав с определенной земли, крепостной украл нечто, принадлежащее феодалу: права на часть труда крепостного. Точно так же, как владелец завода при капитализме будет иметь право обратиться в полицию для возврата украденных с завода рабочими станков, феодальный сеньор имеет право прибегнуть к принуждению для возврата труда, украденного из поместья крепостным.

Сложность в конкретных классовых отношениях

Значительная часть риторики классового анализа, особенно в марксистской традиции, характеризует классовые отношения в весьма строгих, упрощенных, поляризованных терминах. Классовая борьба изображается в виде битвы между буржуазией и пролетариатом, между феодалами и крепостными, между рабовладельцами и рабами. На абстрактном уровне этот упрощенный образ действительно фиксирует нечто фундаментальное касательно природы классовых отношений: они на самом деле, как будет показано ниже, порождают антагонизмы интересов, лежащие в основе открытых конфликтов. Но вместе с тем этот поляризованный образ сбивает с толку, поскольку в конкретных обществах, существующих в конкретном месте в конкретное время, классовые отношения никогда не бывают настолько простыми. Одной из задач классового анализа является точное определение этой сложности и изучение ее последствий.

Особую важность представляют два вида сложности. Во-первых, в большинстве обществ сосуществует множество разного рода классовых отношений, различным образом связанных между собой. К примеру, на американском Юге до Гражданской войны сосуществовали рабовладельческие и капиталистические классовые отношения. Конкретная динамика и противоречия этого общества проистекали из способов сочетания этих отдельных принципов классовых отношений. Определенные разновидности издольной системы, существовавшие в Соединенных Штатах в начале XX века, содержали характерные элементы феодализма, опять-таки в сложном сочетании с капиталистическими отношениями. Если мы захотим описать государственно-бюрократическую собственность на средства производства как образующую отдельную разновидность классовых отношений, то обнаружим, что многие сегодняшние развитые капиталистические общества сочетают капитализм с такого рода этатистскими классовыми отношениями. Таким образом, чтобы в полной мере понять классовые отношения реальных обществ, требуется определить способы сочетания различных форм классовых отношений.

Во-вторых, как мы уже убедились в ходе нашего краткого обсуждения феодализма, принадлежащие людям права и полномочия относительно данного ресурса на самом деле являются собой сложные сплетения прав и полномочий, а не просто одномерные права собственности. Как правило, размышляя о разновидностях прав и полномочий относительно различных факторов производства, эти права и полномочия воспринимают как обладающие простой, бинарной структурой: ты либо владеешь чем-то, либо нет. В повседневном словоупотреблении “владение”, на первый взгляд, имеет именно такой абсолютный характер: если я владею книгой, я могу сделать с ней практически что угодно, в том числе сжечь, использовать как подпорку для открытой двери,

отдать ее, продать и т.д. Однако на самом деле даже владение обычными предметами, как правило, гораздо сложнее. “Владелец” имеет одни права и властные полномочия, другие люди и коллективные органы — иные. Возьмем, к примеру, станки на капиталистическом заводе. В общепринятом понимании, ими “владеют” капиталисты, которым принадлежат предприятия, в том смысле, что они их приобрели, могут продать, могут использовать для генерирования прибыли и т.д. Но это не значит, что капиталисты имеют абсолютные, безусловные права и полномочия на использование этих станков. К примеру, они могут привести эти станки в действие, только если они удовлетворяют определенным наложенным государством ограничениям по технике безопасности и загрязнениям. Если завод существует в социальной среде, в высокой степени проникнутой профсоюзами, капиталист может быть в праве нанимать для использования станков исключительно членов профсоюза. По сути, как государственное регулирование станков, так и профсоюзные ограничения на рынке труда означают, что определенные измерения прав собственности на станки переходят от капиталиста к коллективному агенту. Из этого следует, что абсолютные капиталистические права собственности на средства производства были, по крайней мере, частично “социализованы”.

Современный капитализм буквально пронизан такими видами сложности: правительственные ограничения на производственные практики, представительство профсоюзов в советах директоров, схемы совместного с работниками управления, акционерное участие работников, делегирование полномочий управленческим иерархиям и т.д. — всё это различные способы, посредством которых права собственности и полномочия, воплощенные в идее “владения средствами производства”, подвергаются декомпозиции и перераспределяются. Такое перераспределение прав и полномочий составляет некую форму вариативности классовых отношений. Подобные системы перераспределенных прав и полномочий существенно отдаляют классовые отношения от простой, абстрактной формы идеально поляризованных отношений. Это не означает, что классовые отношения перестают быть *капиталистическими* — базовая власть над распределением капитала и распоряжение прибылями, несмотря на все эти изменения, остаются под частным контролем капиталистов — но это значит, что капиталистические классовые структуры могут существенно различаться в зависимости от конкретных способов расщепления, распределения и рекомбинации этих самых прав и полномочий.

Одной из целей классового анализа является понимание последствий этих форм вариативности классовых отношений. Однако такая сложность всё равно остается сложностью формы классовых отношений, а не какой-либо иной разновидностью социальных отношений, поскольку рассматриваемые социальные отношения всё равно формируются неравными правами и полномочиями людей относительно экономически значимых активов.

Классовые положения

Многие социологические дискуссии о классе на практике становятся дискуссиями об оптимальном описании классовых *положений* (*class locations*) — или неких эквивалентных обозначений вроде “классовых категорий” — а не о классовых *отношениях* как таковых. В значительной степени это вызвано тем, что существенная часть эмпирических исследований, в особенности количественных, вращается вокруг данных, привязанных к индиви-

дам, в связи с чем важно иметь возможность определить положение конкретного индивида в социальной структуре. В случае классового анализа это подразумевает приписывание им положения в рамках классовых отношений. На практике любое подобное начинание требует решения, какие именно критерии применять для дифференциации классовых положений и “сколько” классовых категорий будет создано с использованием этих критериев.

Нет ничего плохого в таком применении концепта класса в исследованиях. Однако, по крайней мере в марксистской традиции, важно не упустить из виду тот факт, что “классовые положения” обозначают социальные позиции, занимаемые индивидами в рамках конкретной разновидности социальных отношений, а не просто некий атомизированный атрибут индивида. Допущение, из которого исходит идея социальных отношений, заключается в том, что когда человек живет своей жизнью в мире, когда он делает выбор и совершает те или иные действия, эти его действия систематически структурируются его отношениями с другими людьми, также делающими выбор и совершающими действия. “Социальное отношение” — это способ обозначения структурированного по своей сути интерактивного качества человеческого действия. В конкретном случае классовых отношений основное утверждение заключается в том, что права и полномочия людей относительно производительных ресурсов важны для структурированного интерактивного качества человеческой деятельности. Таким образом, когда мы говорим о “положении” внутри классового отношения, мы помещаем индивидов в такие структурированные схемы взаимодействия.

Сложность классовых отношений

На первый взгляд может показаться, что проблема определения классовых положений решается абсолютно прямолинейно. Сперва дается определение концепта классовых отношений, затем исходя из этих отношений выстраивается перечень классовых положений. При капитализме центральным классовым отношением является отношение между капиталом и рабочей силой, откуда имеем два классовых положения: капиталисты и рабочие.

Как и при обсуждении проблемы сложности в классовых отношениях как таковых, в капиталистических обществах для некоторых задач может быть достаточно различать всего два классовых положения. Однако есть много других заслуживающих внимания вопросов, ответ на которые связан с проблемой классовых положений, и тогда такая единая, бинарная модель классовых положений окажется абсолютно неадекватной. Если мы хотим понять формирование субъективного опыта людей в процессе работы, или дилеммы, стоящие перед организаторами профсоюзов в заводском цеху, или склонность людей к созданию разного рода коалиций в политических конфликтах, или же их перспективы жить в комфортных материальных условиях, то знание о том, что перед нами капиталист или рабочий в рамках поляризованной модели классовых отношений, вряд ли расскажет нам всё, что мы хотели бы узнать.

Столкнувшись с этой объяснительной неадекватностью модели, включающей два положения, мы оказываемся перед выбором из двух основных вариантов. Первый предполагает сохранение простой модели с двумя положениями (часто называемой “двухклассовой моделью”) и последующее привнесение в анализ дополнительных усложнений, которые не трактуются как

усложнения *классовых* положений как таковых. Так, к примеру, чтобы понять формирование субъективного опыта людей в процессе работы, можно ввести ряд конкретных вариаций условий труда (степень автономности, пристальность надзора, уровень ответственности, когнитивная сложность задач, требуемые для работы физические усилия, перспективы карьерного роста и т.д.), релевантных для понимания связанного с работой опыта. Впоследствии они будут восприниматься в качестве источников вариативности опыта людей, занимающих рабочеклассовые положения внутри классовых отношений, где рабочеклассовые положения определяются в простых бинарных терминах модели с двумя положениями. Или же можно принять во внимание, что некоторые из вариаций в “условиях труда” на самом деле являются вариациями конкретных способов локализации людей внутри классовых отношений. К примеру, уровень властных полномочий над другими работниками можно рассматривать как отражение специфической формы распределения прав и власти относительно процесса производства. <...>

Фокус в том, чтобы ввести сложность в анализ классовых положений систематическим и строгим способом, а не рассматривая сложность как произвольную и хаотичную. Это означает необходимость попытаться понять принципы, согласно которым генерируется сложность, а затем определить, что следует из этих принципов применительно к проблеме локализации людей внутри классовых отношений. Наиболее важными для классового анализа мне представляются следующие пять источников такой сложности:

1. Сложность положений, проистекающая из сложности *внутри* самих отношений: разделение прав и полномочий классовых отношений.
2. Сложность распределения отдельных лиц по положениям: принадлежность к нескольким классовым положениям одновременно.
3. Сложность временных аспектов положений: карьеры vs ячейки.
4. Страты внутри отношений.
5. Семьи и классовые отношения.

Разделение прав и полномочий. Если ассоциирующиеся с классовыми отношениями права и полномочия на самом деле представляют собой сложные связи делимых на части прав и полномочий, они потенциально могут быть частично разделены и реорганизованы сложными способами. Это может порождать классовые положения, которые я называю “противоречивыми положениями внутри классовых отношений” (“contradictory locations within class relations”)¹. К примеру, менеджеры в корпорациях могут рассматриваться как использующие на практике некоторые из полномочий, обусловленных капиталом: нанимать и увольнять работников, принимать решения относительно новых технологий и изменений в рабочем процессе и т. п., и с этой точки зрения они занимают капиталистическое положение внутри классовых отношений капитализма. С другой стороны, они не могут продать завод и конвертировать ценность активов в личное потребление, и их могут уволить с работы, если владельцы ими недовольны. В таком ракурсе они занимают рабочеклассовое положение внутри классовых отношений. Таким образом, в основе этой аналитической стратегии понимания классового характера менеджеров лежит допущение, что специфическая система прав и полномочий относительно

---

¹ Обсуждение разработки этой концепции приведено в: (Wright 1985, Ch. 2; Wright *et al.* 1989, Ch. 1).

но производительных ресурсов, сочетающихся в данном положении, определяет совокупность реальных и значимых каузальных процессов.

Другой случай, который можно считать разновидностью “противоречивых положений”, коренится в тех способах, посредством которых носители разного рода навыков и компетенций наделяются действенными правами и полномочиями относительно многих аспектов их труда. В частности, это справедливо для наемных профессионалов, чей контроль над условиями своего труда составляет отдельную форму трудовых отношений с их работодателями, однако некоторые аспекты таких полномочных трудовых отношений характерны также для многих высококвалифицированных непрофессиональных видов работ.

Определение классовых положений людей. Индивиды могут работать сразу на двух работах, имеющих различное положение внутри социальных отношений производства: человек может быть менеджером или рядовым сотрудником в фирме и самозанятым на второй работе. По сути, такой человек занимает одновременно два классовых положения. Заводской рабочий, по ночам подрабатывающий в качестве самозанятого плотника, имеет более сложное положение внутри классовых отношений, нежели заводской рабочий, не имеющий подработок. Более того, некоторые люди, занимающие рабочеклассовые положения в капиталистической фирме, могут одновременно владеть акциями (либо той фирмы, в которой работают, либо каких-то других фирм) и, следовательно, занимать, пусть даже в ограниченной степени, еще и капиталистическое положение. Рядовые сотрудники фирм с реальной ESOP (Employee Stock Ownership Plan (англ.) — программа участия служащих в прибылях компании) не перестают *занимать* рабочеклассовые положения внутри классовых отношений капитализма, однако они уже не занимают *только* эти положения: они занимают одновременно два классовых положения.

Временной характер положений. Некоторые рабочие места составляют часть карьерной траектории — последовательности упорядоченной смены рабочих мест с течением времени — в которой имеется существенная вероятность изменения классового характера этих самых рабочих мест во времени. К примеру, в некоторых схемах организации труда большинство менеджеров начинают работу с неуправленческих должностей, имея все основания ожидать после своего рода ученичества на цеховом уровне перехода на менеджерские должности и последующего продвижения вверх в управленческой иерархии. Хотя какое-то время они могут работать бок о бок с простыми рабочими, их “рабочие места” изначально связаны с управленческой карьерой. Почему это должно быть важно для понимания классового характера таких рабочих мест? Это важно, поскольку и интересы, и опыт людей на таких рабочих местах сильно зависят от связанного с их рабочими местами вероятного будущего. Это означает, что положению внутри классовых отношений людей, находящихся на такой карьерной лестнице, присуще то, что можно назвать временной сложностью. Более того, поскольку будущее всегда в некоторой степени неопределенно, временное измерение классовых положений также означает, что положению индивида внутри классовых отношений может быть присуща определенная степень временной *неопределенности* или *неясности*.

Страты и классовые положения. Если классовые отношения определяются правами и полномочиями людей относительно производительных ресурсов и экономической деятельности, то возникает еще один источник

сложности в рамках классовых положений, связанный с объемом ресурсов и сферой деятельности, на которые распространяются данные права и полномочия. Существуют владеющие большими объемами капитала и контролирующие его капиталисты, на которых работают тысячи рабочих по всему миру, и капиталисты, на которых работает небольшое количество людей, собранных в одном месте. В терминах отношений обе эти группы являются “капиталистами”, однако в плане объема имеющейся у них власти их разделяет огромная пропасть. Люди, занимающие рабочеклассовые положения, различаются своими навыками и связанными с ними “рыночными возможностями” (“market capacity”) — способностью влиять на заработную плату на рынке труда. Если их навыки достаточно редки, они даже могут получать заработную плату с существенной “рентной” составляющей. И квалифицированные, и неквалифицированные рабочие занимают рабочеклассовые положения, поскольку, не владея средствами производства и не контролируя их, вынуждены продавать свою рабочую силу, чтобы заработать себе на жизнь, однако они различаются по объему одного конкретного ресурса — навыков. Такого рода количественную вариативность среди людей, занимающих подобные в терминах отношений положения, можно считать стратами внутри классовых положений.

Семьи и классовые положения. Люди связаны с классовыми отношениями не только посредством прямого участия в контроле и использовании производительных ресурсов, но и посредством других видов социальных отношений, в первую очередь семейных и родственных. Классовое “положение” людей волнует нас потому, что мы уверены, что их опыт, интересы и выборы посредством разнообразных механизмов будут обуславливаться тем, как их жизни пересекаются с классовыми отношениями. Если вы состоите в браке с капиталистом, то данный факт будет отчасти влиять на ваши интересы и выборы вне зависимости от того, чем вы сами занимаетесь. И данный факт — это факт вашего “положения”. Данное конкретное измерение проблемы классовых положений можно назвать “опосредованными положениями внутри классовых отношений”. Опосредованные положения имеют особое значение для понимания классовых положений детей, пенсионеров, домохозяек и людей в домохозяйствах с двумя кормильцами. Опосредованные положения привносят в классовый анализ дополнительную сложность в тех случаях, когда непосредственные классовые положения индивидов, определяемые посредством их собственных рабочих мест, и их опосредованные классовые положения различаются. Именно так будет обстоять дело, скажем, с женщиной-машинисткой в офисе, которая замужем за корпоративным менеджером. По мере увеличения доли замужних женщин в сфере оплачиваемого наемного труда и количества времени, которое они проводят в составе рабочей силы, существование таких “межклассовых домохозяйств”, как их иногда называют, становится все более ярко выраженной формой сложности в рамках классовых положений¹.

Эти типы сложностей в определении классовых положений проблематизируют обычные рассуждения о классе. Люди часто задают вопрос:

---

¹ В 1980-х годах в США определению межклассового домохозяйства соответствовало около трети семей с двумя кормильцами, т. е. в таких домохозяйствах жили примерно 12% взрослого населения. См.: (Wright 1997, pp. 226–227).

“Сколько всего существует классов?” К примеру, мои собственные труды, посвященные классовой структуре, описывались как предлагающие “12-классовую модель”, поскольку в некоторых своих исследованиях я выстроил 12-категорийную классовую переменную для изучения таких вещей, как классовое сознание или классовая мобильность. В рамках модели, предлагаемой мною здесь, такого рода вопросы мне представляются неуместными. Классовое “положение” не является “классом *как таковым*”; это положение-внутри-отношений. Соответственно, количество таких положений в анализе классовой структуры зависит от того, насколько подробное описание требуется для стоящих перед нами в данный момент целей. <...>

Макро- и микроклассовый анализ

Классовый анализ охватывает как макро-, так и микроуровень анализа. Основным концептом макроклассового анализа является *классовая структура*. Вся совокупность классовых отношений в данной единице анализа можно назвать “классовой структурой” этой единицы анализа. Таким образом, можно рассуждать о классовой структуре фирмы, города, страны, возможно, даже мира. Традиционно для определения классовой структуры в качестве единицы анализа преимущественно выступало национальное государство. Отчасти это оправдано важностью государства как института обеспечения правоприменения касательно основополагающих прав и полномочий относительно активов, составляющих материю классовых отношений. Однако в зависимости от рассматриваемой проблемы можно использовать и иные единицы анализа.

Макроуровень классового анализа концентрируется на влиянии классовых структур на единицу анализа, в рамках которой они определяются. К примеру, анализ того, как международная мобильность капитала ограничивает выбор проводимой странами политики, представляет собой макроуровневое исследование влияния на государства конкретной разновидности классовой структуры. Анализ того, как концентрация или дисперсия владения капиталом в конкретной отрасли влияет на условия для организации профсоюзов, будет макроуровневым исследованием классовой формации.

Микроуровень классового анализа призван объяснить способы воздействия класса на индивидов. В его основе лежит анализ влияний классовых положений на различные аспекты жизни индивидов. Примеры микроуровневого классового анализа представляет анализ стратегии неквалифицированных рабочих на рынке труда, влияния технологических перемен на классовое сознание или же политических вкладов руководителей корпораций.

Микро- и макроуровни классового анализа связаны между собой весьма сложным образом. С одной стороны, классовые структуры — это не бестелесные сущности, генерирующие макроуровневые влияния вне зависимости от действий и выборов индивидов: у макропроцессов имеются микрооснования. С другой стороны, микропроцессы, посредством которых положения индивидов в классовых отношениях формируют их возможности, сознание и действия, происходят в макроконтекстах, оказывающих весомое влияние на способы осуществления этих микропроцессов: микропроцессы опосредуются макроконтекстами. Классовый анализ, как и всякий социологический анализ, стремится понять и микро-, и макроуровни, а также их взаимодействие.

Классовая “агентность”

Все вопросы, к которым мы до сих пор обращались, были сугубо *структурными* по своему характеру. То есть мы исследовали природу социальных отношений, внутри которых живут и действуют люди, и выяснили, как их трактовать в классовых терминах, однако мало что сказали о действии как таковом. В конце концов, марксистский классовый анализ касается условий и процесса социальных изменений, поэтому нам нужен набор категорий, в терминах которых можно описать действия людей, воспроизводящие и трансформирующие эти социальные отношения. Особо отвечают этой цели пять концептов: классовые интересы, классовое сознание, классовые практики, классовые формации и классовая борьба.

- Классовые *интересы*: материальные интересы людей, обусловленные их положением-в-рамках-классовых-отношений. “Материальные интересы” включают в себя целый диапазон аспектов: жизненные стандарты, условия труда, досуг, материальная защищенность и прочее. Описать интересы людей относительно этих вещей как “классовые” интересы — означает сказать, что возможности и компромиссы людей в ходе преследования этих интересов структурированы их классовыми положениями. Описание этих интересов обеспечивает ключевой теоретический мост между описанием классовых отношений и действиями индивидов внутри этих отношений.
- Классовое сознание: субъективное осознание людьми своих классовых интересов и условий их продвижения.
- Классовые практики: виды деятельности, в которые вовлекаются индивиды для преследования своих классовых интересов в качестве отдельных лиц либо членов общностей.
- Классовые формации: общности, формируемые людьми для облегчения преследования своих классовых интересов. Они варьируют от высоко самосознательных организаций для продвижения интересов вроде профсоюзов, политических партий и ассоциаций работодателей до менее формальных общностей вроде социальных сетей и сообществ.
- Классовая борьба: конфликты между практиками индивидов и общностей в процессе преследования ими антагонистических классовых интересов. Такие конфликты варьируют от стратегий отдельных рабочих на рабочем месте для облегчения труда до конфликтов между высокоорганизованными общностями рабочих и капиталистов за распределение прав и полномочий в рамках производства.

Объяснительные притязания: фундаментальный метатезис классового анализа

Фундаментальный метатезис классового анализа заключается в том, что класс (т. е. классовые отношения, классовые положения и классовая структура), понимаемый изложенным выше образом, имеет систематические и существенные следствия как для жизней индивидов, так и для функционирования институтов. В качестве лозунга можно провозгласить: “класс имеет значение” (“class counts”). На микроуровне реальные последствия для жизни человека имеет то, продает или не продает он свою рабочую силу

на рынке труда, обладает или не обладает властью указывать другим, что делать в процессе работы, владеет или не владеет крупными объемами капитала, обладает или не обладает юридически подтвержденным аттестатом и т. д. На макроуровне на функционирование разнообразных институтов влияет то, существует ли высокая концентрации прав на распределение и использование средств производства в руках немногих, присваиваются ли некоторые из этих прав государственной властью или остаются в частных руках, наличествуют ли государственные барьеры для приобретения различных типов активов людьми, их не имеющими, и т. п. Таким образом, говоря “класс имеет значение”, мы утверждаем, что распределение прав и полномочий относительно базовых производительных ресурсов общества имеет существенные систематические последствия как на микро-, так и на макроуровне социального анализа.

В основе такого рода утверждений лежит относительно простая пара более конкретных суждений о воздействии классовых отношений на микроуровень жизни индивидов:

Суждение 1: То, чем ты обладаешь, определяет то, что ты получаешь.

Суждение 2: То, чем ты обладаешь, определяет, что ты должен сделать, чтобы получить то, что ты получаешь.

Первое суждение касается в первую очередь распределения *дохода*. Так, классовый анализ утверждает, что права и полномочия людей относительно производительных активов являются систематическими и существенными детерминантами их уровня жизни: *то, чем ты обладаешь, определяет то, что ты получаешь*. Второй из этих каузальных процессов касается, в первую очередь, распределения экономической *деятельности*. Опять-таки, тезис классового анализа заключается в том, что права и полномочия относительно производительных активов являются систематическими и существенными детерминантами стратегий и практик, применяемых людьми с целью получения доходов: должны ли они оббивать пороги в поисках работы; принимают ли они решения о распределении инвестиций по всему миру; приходится ли им переживать по поводу выплаты процентов по банковским займам для поддержания на плаву своей фермы. *То, чем ты обладаешь, определяет, что ты должен сделать, чтобы получить то, что ты получаешь*. Прочие типы связанных с классом следствий — паттерны голосования, установки, формирование круга друзей, здоровье и т. д. — вторичные следствия этих двух первичных процессов. К примеру, когда классовые аналитики утверждают, что классовые положения помогают объяснить результаты голосования, обычно это обусловлено их уверенностью в том, что классовые положения формируют возможности для уровня жизни людей, и эти возможности влияют на политические предпочтения, или же их уверенностью в том, что классовое положение влияет на жизненный опыт людей в рамках их работы (т. е. опыт, генерируемый их трудовой деятельностью), а это, в свою очередь, влияет на предпочтения.

Эти утверждения нетривиальны. К примеру, может быть так, что распределение прав и полномочий индивидов касательно производительных активов относительно слабо или вообще никак не связано с их доходами или экономической деятельностью. Предположим, что государство всеобщего благосостояния обеспечивает всем универсальный базовый доход, достаточный для поддержания пристойного уровня жизни. В таком обществе то, что люди

получают, будет в значительной степени, хотя и не полностью, независимо от того, чем они владеют. Аналогично, если мир превратится в своего рода постоянную лотерею, в которой не будет практически никакой стабильности распределения активов ни внутри одного поколения, ни между ними, то даже если отношение к таким активам будет в *статике* существенно для уровня доходов, все это может давать повод говорить, что класс не очень важен. Либо, предположим, основным детерминантом того, что вы должны сделать, чтобы получить нечто, является раса, пол или вероисповедание, и владение экономически релевантными активами имеет маргинальную значимость для объяснения вашей экономической деятельности или жизненных условий. Опять-таки, в таком обществе класс может не иметь большого объяснительного значения (если, конечно, пол или раса не влияют на эти результаты главным образом через распределение людей по классовым положениям в зависимости от их расы и пола). Сам по себе факт наличия неравенства доходов или доминирования и субординации в процессе работы не является доказательством того, что класс имеет значение; для этого необходимо показать, что права и полномочия людей относительно производительных активов оказывают систематическое влияние на эти феномены.

Марксистский классовый анализ

Как сформулировано выше, в объяснительных притязаниях классового анализа нет ничего сугубо марксистского. Выражения “что люди получают” и “что люди должны делать, чтобы получить то, что они получают” звучат практически как “жизненные шансы”. Классовые аналитики-веберианцы сказали бы практически то же самое. Именно по этой причине марксистский и веберианский концепты класса очень схожи (хотя в контексте широких теоретических моделей, в которых фигурируют эти концепты, или приписываемых классу объяснительных возможностей схожести гораздо меньше).

Собственно марксистским классовый анализ делает объяснение конкретных механизмов, которые считаются источниками этих двух разновидностей последствий. основополагающим концептом в данном случае является *эксплуатация*. Это концептуальный элемент, связывающий марксистский концепт класса с отчетливо марксистской программой классового анализа.

Эксплуатация — сложный и проблематичный концепт. Он призван обозначить определенную форму взаимозависимости материальных интересов людей, а именно ситуацию, удовлетворяющую трем критериям:

(1) *Принцип обратной взаимозависимости благополучия*: Материальное благополучие эксплуататоров каузально зависит от ухудшения материального благополучия эксплуатируемых. Это означает, что интересы классов внутри таких отношений не просто *различны*, но *антагонистичны*: реализация интересов эксплуататоров негативно сказывается на эксплуатируемых.

(2) *Принцип исключения*: Та самая обратная взаимозависимость благополучия эксплуататоров и эксплуатируемых определяется исключением доступа эксплуатируемых к определенным производительным ресурсам.

(3) *Принцип присвоения*: Исключение создает материальные привилегии для эксплуататоров, поскольку позволяет им присваивать трудовые усилия эксплуатируемых.

Таким образом, эксплуатация является диагнозом процесса, в ходе которого неравенства доходов генерируются неравенствами прав и полномочий относительно производительных ресурсов: неравенства возникают, по крайней мере отчасти, посредством способов, позволяющих эксплуататорам в силу своих исключительных прав и власти над ресурсами присваивать излишек, создаваемый трудовыми усилиями эксплуатируемых.

При соблюдении только первых двух принципов может существовать то, что допустимо назвать *неэксплуаторским экономическим угнетением*, но не эксплуатацией. При неэксплуаторском экономическом угнетении благополучие привилегированной группы обеспечивается за счет ущемленных, и сама эта обратная взаимосвязь основывается на владении и контроле над экономическими ресурсами. Однако при неэксплуаторском угнетении не происходит присвоения трудовых усилий или передачи плодов труда от одной группы к другой.

Ключевым следствием различия между двумя этими типами неравенства является то, что при неэксплуаторском экономическом угнетении привилегированная социальная категория сама по себе *не нуждается* в категории исключенных. Хотя благополучие привилегированных и в этом случае зависит от принципа исключения, постоянная взаимозависимость их деятельности отсутствует. В случае же эксплуатации эксплуататоры активно нуждаются в эксплуатируемых: благополучие эксплуататоров зависит от трудовых усилий эксплуатируемых. Рассмотрим, к примеру, различия в отношении европейских колонистов к коренным народам Северной Америки и Южной Африки. В обоих случаях материальное благополучие белых поселенцев обеспечивалось посредством исключения доступа коренных жителей к земле. Соответственно, имела место каузальная связь между благополучием колонистов и ущемлениями коренных народов, и эта связь сосредоточивалась в контроле над ресурсами. Однако эти ситуации резко различаются по третьему критерию. В Южной Африке колонисты в значительной степени зависели от трудовых усилий коренного населения, сперва в качестве фермеров-арендаторов и сельхозработчиков, а позднее — в качестве шахтеров. В Северной Америке европейские колонисты не зависели от труда коренных американцев. Это означало, что в Северной Америке белые поселенцы имели возможность в ответ на сопротивление коренных американцев вместо исключения их доступа к земле применить стратегию геноцида. В XIX веке в Америке была популярна отвратительная по своей аморальности поговорка, отражающая реалии неэксплуаторского экономического угнетения коренных американцев: “Хороший индеец — мертвый индеец”. А вот поговорка вроде “Хороший рабочий — мертвый рабочий” не существует, и отнюдь не случайно. Можно сказать “хороший рабочий — покорный рабочий”, но никак не “мертвый рабочий”. Эксплуатация, в некотором смысле, налагает на эксплуататоров определенные ограничения, что и проявляется в контрасте между судьбой коренных народов Северной Америки и Южной Африки.

Эта глубокая взаимозависимость делает эксплуатацию особенно взрывоопасной формой социальных отношений по двум причинам: во-первых, эксплуатация является социальным отношением, противопоставляющим интересы одной группы интересам другой и одновременно требующим их постоянного взаимодействия; во-вторых, она наделяет эксплуатируемую группу реальной формой власти для противостояния интересам эксплуата-

торов. Это важный момент. Эксплуатация зависит от присвоения трудовых усилий. Поскольку люди являются не роботами, а обладающими сознанием агентами, они всегда в определенной мере сохраняют реальный контроль над расходованием своих усилий. Таким образом, изъятие трудовых усилий в рамках эксплуататорских отношений всегда является в той или иной степени проблематичным и рискованным процессом, требующим для его воспроизводства действенных институциональных механизмов. Эти механизмы могут влететь эксплуататорам в копеечку, вынудив их тратить на контроль, надзор, мониторинг и санкции и т. д. Способность заставить эксплуататоров нести все эти расходы и есть своего рода власть, принадлежащая эксплуатируемым.

Эксплуатация, согласно изложенному здесь определению, тесно связана с проблемой *доминирования*, то есть социальных отношений, в рамках которых деятельность одного человека управляется и контролируется другим человеком. Доминирование проявляется, во-первых, в принципе исключения: “владение” ресурсом дает одному человеку власть препятствовать использованию его другими людьми. Ярчайшим примером такой формы доминирования является власть работодателей нанимать и увольнять работников. Однако в большинстве случаев доминирование имеет место в сочетании с принципом присвоения, поскольку присвоение трудовых усилий эксплуатируемых обыкновенно требует непосредственных форм субординации, в первую очередь в ходе трудового процесса, в форме руководства, наблюдения, угроз и т. п. Сочетание эксплуатации с доминированием определяет основные черты структурированных взаимодействий внутри классовых отношений.

В веберийском классовом анализе, равно как и в марксистском, права и полномочия индивидов относительно производственных активов определяют материальный базис классовых отношений. Однако для классового анализа, основывающегося на трудах Вебера, эти права и полномочия важны в основном с точки зрения свойственных им способов формирования *жизненных шансов*, прежде всего шансов в пределах рыночных обменов, а не способов структурирования паттернов эксплуатации и доминирования. Контроль над ресурсами влияет на силу переговорной позиции в процессах обмена, что, в свою очередь, влияет на результаты таких обменов, особенно на доходы. Эксплуатация и доминирование не являются центральными предметами веберийской аргументации.

Из этого вытекает противопоставление марксистской и веберийской моделей классового анализа. <...> Обе они резко отличаются от простых градационных описаний класса, в которых сам класс непосредственно идентифицируется в контексте неравенств доходов, поскольку и тот и другой начинают с проблемы социальных отношений, определяющих доступ людей к экономическим ресурсам. Так что в некотором смысле марксистское и веберийское определения классовых отношений в капиталистическом обществе имеют общий операциональный критерий. А вот где они отличаются, так это в теоретической разработке и определении следствий, проистекающих из этого общего набора критериев: марксистская модель рассматривает две систематически генерируемые этими отношениями каузальных зависимости — первая реализуется посредством рыночных обменов, а вторая — посредством самого процесса производства, в то же время веберийская модель отслеживает только одну каузальную зависимость; кроме того, марксистская модель

рассматривает механизмы этих каузальных зависимостей в терминах эксплуатации и доминирования, а также силы переговорной позиции в рамках обмена, тогда как веберианская модель имеет дело лишь с переговорами в процессе обмена. Таким образом, в определенном смысле веберианская модель классового анализа встраивается в марксистскую модель.

Эта встроенность веберианской концепции класса в марксистскую означает, что с точки зрения определенного рода вопросов между марксистским и веберианским анализом нет почти никакой практической разницы. Это особенно справедливо для микровопросов о влиянии класса на жизни индивидов. То есть, если вы, к примеру, хотите объяснить, каким образом классовое положение влияет на уровень жизни людей, используемый в данном анализе концепт классовых положений совсем не обязательно должен различаться в рамках марксистского и веберианского подходов. Оба трактуют социальное отношение по поводу доходогенерирующих активов, в особенности капитала и навыков, как центральное для определения классовых положений¹.

Безусловно, любой веберианец может включить в конкретное социологическое исследование анализ доминирования и эксплуатации на основе класса. Одной из привлекательных черт веберианской аналитической модели является то, что она совершенно не возбраняет включать в рассмотрение дополнительные каузальные процессы. Однако такое включение является принесением в веберианскую модель марксистских тем; сама по себе модель не предполагает какой-либо специфической важности этих вопросов. Как-то в одной из своих книг по классовой теории Фрэнк Паркин остроумно заметил, что “внутри всякого неомарксиста сидит веберианец, отчаянно рвущийся на свободу”. Из представленной здесь аргументации следует комплементарное утверждение, что “внутри всякого левого неовеберианца сидит марксист, отчаянно пытающийся остаться незамеченным”.

Выгоды: каковы преимущества марксистской стратегии классового анализа?

Эксплуатация и доминирование — нормативно нагруженные термины. Описывая классовые отношения таким образом, мы подписываемся под эгалитарной критикой этих отношений. Для приверженцев радикально эгалитарного видения марксистской традиции это плюс, но ведь явно не все интересующиеся исследованием классов в капиталистическом обществе принимают радикальный эгалитаризм марксистской нормативной программы. Что если кто-то убежден, что эмансипационные/освободительные преобразования капитализма, при всей своей моральной привлекательности, — всего лишь утопические фантазии? Или, что еще критичнее, вдруг кто-то убежден, что капитализм не такой уж угнетающий? Если кто-то отвергает значимость марксистской нормативной программы, означает ли это полное отвержение заодно и марксистской концептуализации класса? Я так не думаю. В силу нескольких причин разработка концепции класса в терминах эксплуатации и доминирования сама по себе приносит теоретические выгоды, выходящие за

¹ Само собой, операциональные критерии, принимаемые теми или иными исследователями, столкнувшимися с неизбежной сложностью совершения прагматичного выбора, могут различаться. <...>

пределы специфичной нормативной программы марксистского классового анализа:

1. *Связь обмена с производством.* Марксистская логика классового анализа утверждает существование тесной связи между способами организации социальных отношений в рамках обмена и производства. Это сущностный момент, а не вопрос дефиниции: социальные отношения, организующие права и полномочия индивидов относительно производительных ресурсов, систематически формируют их положения как в отношении обмена, так и собственно в процессе производства. Это, разумеется, не означает, что не существует независимой вариативности обмена и производства, однако предполагает, что такая вариативность структурируется классовыми отношениями.

2. *Конфликт.* Одно из стандартных утверждений касательно марксистского анализа гласит, что он выводит на первый план конфликт внутри классовых отношений. Действительно, в учебниках социологии марксизм традиционно рассматривается в качестве разновидности “теории конфликтов”. Однако эта характеристика не вполне точна, ибо конфликт, вне всякого сомнения, является определяющей чертой также и веберовских взглядов на класс. Отличительной чертой марксистского видения классовых отношений в этих терминах является не то, что в нем классовому конфликту придается большое значение, а то, что конфликт понимается как генерируемый *неотъемлемыми свойствами этих отношений*, а не просто некими вероятными факторами. Эксплуатация определяет структуру взаимозависимых антагонистических интересов, в которой продвижение интересов эксплуататоров зависит от их способности ущемлять эксплуатируемых. Здесь антагонизм интересов сильнее, чем в условиях простой конкуренции, и именно на этом основано четкое предсказание марксистского классового анализа, что классовые системы будут пронизаны конфликтами.

3. *Власть.* Ключевым для марксистского построения классового анализа является не просто утверждение, что классовые отношения генерируют глубоко антагонистичные интересы, но то, что они также дают людям, занимающим подчиненные классовые положения, определенные формы власти для борьбы за свои интересы. Как уже отмечалось выше, поскольку эксплуатация опирается на изъятие трудовых усилий и поскольку люди всегда сохраняют некоторый уровень контроля над расходом своих усилий, они всегда могут противопоставить эксплуататорам свою способность сопротивляться эксплуатации. Это — ключевая форма власти. Это отражается в комплексных контрстратегиях, которые эксплуатирующие классы вынуждены применять, разрабатывая средства контроля, надзора, мониторинга и применения санкций. Исключительно благодаря этой неупразднимой способности к сопротивлению — форме социальной власти, укорененной во взаимозависимостях эксплуатации, — эксплуатирующим классам приходится выделять часть собственных ресурсов на обеспечение своей возможности присваивать трудовые усилия.

4. *Принуждение и согласие.* Марксистский классовый анализ содержит рудименты того, что можно назвать эндогенной теорией формирования согласия. Аргументация в основном выглядит так: изъятие трудовых усилий в системах эксплуатации дорого обходится эксплуатирующим классам в силу неотъемлемой способности людей сопротивляться эксплуатации. Системы эксплуатации на чисто принудительных началах зачастую неоптималь-

ны, поскольку имеется слишком много условий, позволяющих рабочим необычайно легко воздержаться от старательного приложения трудовых усилий. Следовательно, эксплуатирующие классы будут склонны искать способы снижения данных расходов. Один из способов снижения накладных расходов на изъятие трудовых усилий — принимать такие меры, чтоб добиться активного согласия эксплуатируемых: от развития внутренних рынков труда, укрепляющих приверженность и лояльность рабочих к фирмам, в которых они работают, до поддержки идеологических платформ, провозглашающих практическую и моральную приемлемость капиталистических институтов. Однако эти практики достижения согласия также сопряжены с расходами, поэтому системы эксплуатации можно рассматривать как постоянно обреченные на компромиссы между принуждением и согласием в качестве механизмов изъятия трудовых усилий.

Из данной аргументации следует специфическое предсказание, касающееся разновидностей идеологий, с наибольшей вероятностью возникающих в условиях, с одной стороны, эксплуататорских классовых отношений, а с другой — неэксплуататорского угнетения. При неэксплуататорском угнетении отсутствует зависимость угнетающей группы от изъятия трудовых усилий угнетенных, а потому практически нет нужды в достижении их активного согласия. Соответственно, становятся допустимы сугубо репрессивные реакции на сопротивление — в том числе, в некоторых исторических обстоятельствах, геноцидные репрессии. В такой ситуации основной идеологической проблемой, скорее всего, будут моральные колебания внутри угнетающей группы, и в силу этого, пожалуй, получат развитие идеологии, оправдывающие эти репрессии в глазах *угнетателей*, но не угнетенных. Лозунг “хороший индеец — мертвый индеец” предназначался для ушей белых колонистов, а не коренных американцев. С другой стороны, в рамках эксплуататорских классовых отношений ввиду необходимости сотрудничества с эксплуатируемыми идеологии более склонны учитывать проблему достижения согласия, в силу чего им приходится так или иначе инкорпорировать интересы эксплуатируемой группы.

5. Исторический/сравнительный анализ. В исходном своем виде марксистский классовый анализ задумывался как составная часть всеобъемлющей теории эпохальной структуры и исторической траектории социальных изменений. Но даже если отвергнуть исторический материализм, марксистская, основывающаяся на эксплуатации стратегия классового анализа всё равно предоставляет богатое меню концепций для исторического и сравнительного анализа. Определенные разновидности классовых отношений обуславливаются конкретными механизмами, посредством которых осуществляется эксплуатация, и из этих различий, в свою очередь, следуют различные проблемы, стоящие перед эксплуатирующими классами в плане воспроизводства их классового преимущества, и различные возможности эксплуатируемых классов сопротивляться этому. Разновидности этих механизмов и конкретных способов их сочетания в конкретных обществах дают аналитически сильную программу сравнительных исследований.

Все перечисленное выше объясняет, почему концепция класса, уходящая корнями, с одной стороны, в связь между социальными отношениями производства, а с другой — в эксплуатацию и доминирование, должна представлять социологический интерес. Однако наиболее фундаментальное преимуще-

ство использования этих концептуальных оснований состоит в том, что они позволяют привнести в классовый анализ моральную критику. Характеристика механизмов, лежащих в основе классовых отношений, в терминах эксплуатации и доминирования фокусирует внимание на моральных подтекстах классового анализа. Эксплуатация и доминирование показывают, как эти отношения оборачиваются угнетением и порождают ущемление, а не просто неравенства. Таким образом, классовый анализ может функционировать как часть не просто научной теории интересов и конфликтов, но также освободительной теории альтернатив и социальной справедливости. Даже если социализм исчез из исторической повестки дня, идея противостояния эксплуататорской логике капитализма никуда не делась.

*Перевод с английского ЕЛЕНЫ СИМОНЧУК,
кандидата социологических наук,
старшего научного сотрудника отдела социальных структур
Института социологии НАН Украины*

Источники / References

Burawoy, Michael, and Erik Olin Wright, 2001 "Sociological Marxism," pp. 459-86 in *Handbook of Sociological Theory*, edited by Jonathan Turner, New York, Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Carchedi, Guglielmo, 1977 *The Economic Identification of Social Classes*, London, Routledge and Kegan Paul.

Cohen, G. A., 1978 *Karl Marx's Theory of History: A Defense*, Princeton, NJ, Princeton University Press.

Cohen, G. A., 1995 *Self-Ownership, Freedom and Equality*, Cambridge, UK, Cambridge University Press.

Poulantzas, Nicos, 1974 *Classes in Contemporary Capitalism*, London, Verso.

Poulantzas, Nicos, 1975 *Classes in Contemporary Capitalism*, London, New Left Books.

Resnick, Stephen, and Richard Wolff, 1987 *Knowledge and Class*, Chicago, The University of Chicago Press.

Swift, Adam, 2001 *Equality, Freedom and Community*, Cambridge, UK, Polity.

Wright, Erik Olin, 1978 *Class, Crisis and the State*, London, New Left Books.

Wright, Erik Olin, 1985 *Classes*, London, New Left Books/Verso.

Wright, Erik Olin, 1997 *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*, Cambridge, UK, Cambridge University Press.

Wright, Erik Olin, 2000 "Working-Class Power, Capitalist-Class Interests and Class Compromise," *American Journal of Sociology* 105:4 (January), pp. 957-1,002.

Wright, Erik Olin, Andrew Levine, and Elliott Sober, 1993 *Reconstructing Marxism*, London, Verso.

Wright, Erik Olin *et al.*, 1989 *The Debate on Classes*, London, Verso.

Матеріал отримано / Received 23.01.2019

ЕРИК ОЛІН РАЙТ

Засади неомарксистського класового аналізу

Автором викладено особливості неомарксистського класового підходу в сучасній соціології. Зокрема, роз'яснюється, що саме становить фундаментальне питання класового аналізу в марксистській теорії та якими є його цілі. Описуються спільні та відмінні риси, в концеп-

туальних компонентах і ключових пояснювальних прагненнях класового аналізу у веберіанській та марксистській традиціях. Специфіка марксистського підходу полягає у визначенні концепту соціального класу в термінах процесів експлуатації — одного з ключових механізмів, за допомогою якого класові відносини генерують соціальні ефекти. Перевага використання натхненної ідеями Маркса концепції класу, що ґрунтується, з одного боку, на суспільних виробничих відносинах, а з іншого — на експлуатації та домінуванні, бачиться Райтові в тому, що ця концепція дає змогу привнести до класового аналізу моральну критику. Такий аналіз може функціонувати як частина не лише наукової теорії інтересів та конфліктів, але також і визвольної теорії, що пропонує альтернативи капіталізму на засадах соціальної справедливості.

Ключові слова: соціальний клас, класовий аналіз, марксизм, експлуатація, суспільні виробничі відносини, класові відносини, класові положення

ЭРИК ОЛИН РАЙТ

Основы неомарксистского классового анализа

Автором излагаются особенности неомарксистского классового подхода в современной социологии. В частности, разъясняется, что именно составляет фундаментальный вопрос классового анализа в рамках марксизма и каковы его цели. Описываются сходства и различия в концептуальных компонентах и ключевых объяснительных притязаниях классового анализа в веберовской и марксистской традициях. Специфика марксистского подхода состоит в определении концепта социального класса в терминах процессов эксплуатации — одного из ключевых механизмов, посредством которого классовые отношения генерируют социальные эффекты. Преимущество использования вдохновленной идеями Маркса концепции класса, базирующейся, с одной стороны, на общественных производственных отношениях, а с другой — на эксплуатации и доминировании, видится Райту в том, что эта концепция позволяет привнести в классовый анализ моральную критику. Такой анализ может функционировать как часть не просто научной теории интересов и конфликтов, но также освободительной теории, предлагающей альтернативы капитализму на началах социальной справедливости.

Ключевые слова: социальный класс, классовый анализ, марксизм, эксплуатация, общественные производственные отношения, классовые отношения, классовые положения

ERIK OLIN WRIGHT

Foundations of a neo-Marxist class analysis

The author lays out the distinctive features of a neo-Marxist class approach used in present-day sociology. First, he clarifies what exactly constitutes the fundamental point of class analysis within the Marxist framework and what it tries to accomplish. This work also provides a description of similarities and differences between the Weberian and Marxist traditions with regard to the conceptual components and pivotal explanatory ambitions. The distinctive hallmark of the Marxian approach is that it defines the concept of social class in terms of exploitation. In Wright's view, the theoretical pay-off of elaborating the Marxian-inspired conception of class, which is based on social relations of production on the one hand and exploitation and domination on the other, is that this conception infuses class analysis with moral critique. Such an analysis can function not simply as part of a scientific theory of interests and conflicts, but also as a constituent of an emancipatory theory offering alternatives to capitalism on the basis of social justice.

Keywords: social class, class analysis, Marxism, exploitation, social relations of production, class relations, class locations